

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

М. Е. МАССОН

ДАРГАН-АТИНСКАЯ СТАРИНА

«Дарган — самый большой из них (городов Хорезма — М. М.) после Джурджани (т. е. столицы — М. М.)».

Макдиси, X в.

Руины средневекового Даргана находятся на левом берегу Аму-Дарьи, в пределах Чарджоуской области Туркменской ССР, от города Чарджоу по прямому направлению к северо-западу в расстоянии несколько менее 200 км и около 130 км к юго-востоку от г. Хазараспа, входящего в состав Узбекской ССР. Сохранившиеся на поверхности развалины лежат в 4,5 км к юго-востоку от современного районного центра Дарган-Ата и расположены непосредственно над поймой Аму-Дарьи, в 3—4 км от ее нынешнего берега. Господствуя над прилегающей низиной превращенного частично в культурные земли огромного тугая, основная часть Даргана не испытывала на себе непосредственных бедствий от разливов крупнейшей среднеазиатской реки. Вместе с тем, положение у одной из больших дорог, связывающих Хорезм с Мервским, Чарджоуским и Бухарским районами, а также эффективно возвышающиеся мощные остатки фортификационных сооружений городища невольно обращали на себя внимание проезжавших мимо них путников.

Их описаний не найти в наиболее ранних географо-экономических обзорах Хивинского ханства, появляющихся с первой половины прошлого столетия, но русские топографы давно стали фиксировать развалины на планшетах своих съемок. Особенно интересны в этом отношении данные карты, составленной в 1873 г. А. В. Каульбарсом, который особо отметил Дарган-Ата как культовый пункт, Ак-Калу («Белую крепость»), причем название это прилагалось тогда к окруженным стенами центральным развалинам городища, и, наконец, в 2 км к юго-востоку от него Караул-хану, где размещался в ту пору небольшой сторожевой пост.¹

Если не считать отдельных кратких путевых упоминаний и показанного мне ныне покойным Е. К. Бетгером хранящегося в отделе старинных книг Узбекистанской государственной публичной библиотеки эк-

¹ Атлас промеров, произведенных в 1873 году в низовьях р. Аму-Дарьи ген. штаба полковником А. В. Каульбарсом, СПб., 1888, прил. к ЗРГО по общей географии, т. IX.

земляра редкого фото Дарган-Калы (по-видимому, относящегося к восьмидесятым годам XIX в.), первым, кто обратил специальное внимание на археологические памятники вдоль левобережного пути из Хорезма в Чарджоу, был секретарь Туркестанского кружка любителей археологии Н. С. Лыкошин. Он в 1896 г. записал в своем дорожном дневнике между прочим впечатления о посещении развалин Дарган-Ата, выступив тогда в печати однако лишь по поводу средневекового рабата Дая-Хатын.¹ Вероятно, по его же инициативе Туркестанский кружок любителей археологии в Ташкенте осенью 1903 г. намечал обследование «развалин древнего укрепления Дарган-ата»,² хотя в то время этот памятник, как расположенный на территории Хивинского ханства, не входил в границы Туркестанского генерал-губернаторства и как бы оказывался вне сферы этого научного общества, никогда, впрочем, не считавшегося в своей деятельности с таким формальным положением. Действительно, некоторое время спустя, при своей служебной поездке в Хорезм член ТКЛА А. Д. Калмыков посетил развалины Даргана и опубликовал в 1908 г. в Ташкенте³ краткое их описание, выдержки из которого позднее были включены В. И. Масальским в его сводный труд «Туркестанский край».⁴

Уже при Советской власти, используя свои прежние записи, Н. С. Лыкошин, будучи преподавателем Туркестанского народного университета, опубликовал новый небольшой очерк о Дарган-Ата, вышедший в Ташкенте в 1918 г. под псевдонимом Хатам-тай.⁵

Позднее развалины городища посещались разными научными работниками, связанными с деятельностью организаций, ведавших охраной и изучением археологических памятников. Иногда делались фотоснимки общих видов развалин Дарган-Ата, но новое краткое описание их связано с работами Хорезмской археологической экспедиции С. П. Толстова. Городище в 1939 г. было посещено одним из ее отрядов под руководством С. А. Ершова, материалы которого опубликованы в Москве в 1941 г. с приложением схематического плана крепости.⁶

Никто из историков и из перечисленных выше лиц не делал попыток выяснить прошлое этого города в целом. Ориенталисты ограничивались приведением в нескольких строках немногих кратких его упоминаний в средневековых первоисточниках.⁷ Археологи ограничивались рекогносцировкой. Н. С. Лыкошин писал, что «местное население совершенно не в состоянии рассказать что-либо о прошлом этой местности, о строителе крепости».⁸

В 1954 г. XXIV отрядом Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции в составе М. Е. Массона, архитектора Г. А. Пу-

¹ См. его анонимную заметку без подписи «Древности близ Дарган-ата по дороге в Хиву», газ. «Окраина», 1896, 7 V; перепечатана в «Археологических известиях и заметках МАО», ч. V, 1897, № 1 с пропуском призыва обратить внимание на развалины рабата Дая-хатын и снять с них план.

² Протоколы ТКЛА от 23 IX 1903, год VIII, Ташкент, 1903, стр. 8.

³ А. (Д.) Калмыков, Хива, Протоколы ТКЛА, год XII, Ташкент, 1908, стр. 69—71.

⁴ В. И. Масальский, Туркестанский край, Россия, т. XIX, СПб., 1913, стр. 745.

⁵ Хатам-тай, Дарган-ата (в Хивинском ханстве), «Просвещение», 1918, № 24.

⁶ С. А. Ершов, Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, ВДИ, 1941, № 1, стр. 189—191. Ср. также Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 619.

⁷ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 141—142; Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1930, p. 451.

⁸ Хатам-тай, ук. соч.

гаченковой, коллектора Г. Е. Трапезникова, в связи с изучением прошлого Чарджоу — Амуля и северной части Чарджоуской области, городище Даргана было подвергнуто трехдневному обследованию, которое сопровождалось его археолого-топографической съемкой и обмером мавзолея Дарган-Ата. Поскольку результаты историко-архитектурного изучения последнего опубликованы в специальной работе Г. А. Пугаченковой,¹ целью настоящей статьи является только краткое изложение прошлого этого города, как оно выявилось в результате непосредственного знакомства участников XXIV отряда ЮТАКЭ с его развалинами (рис. 21).

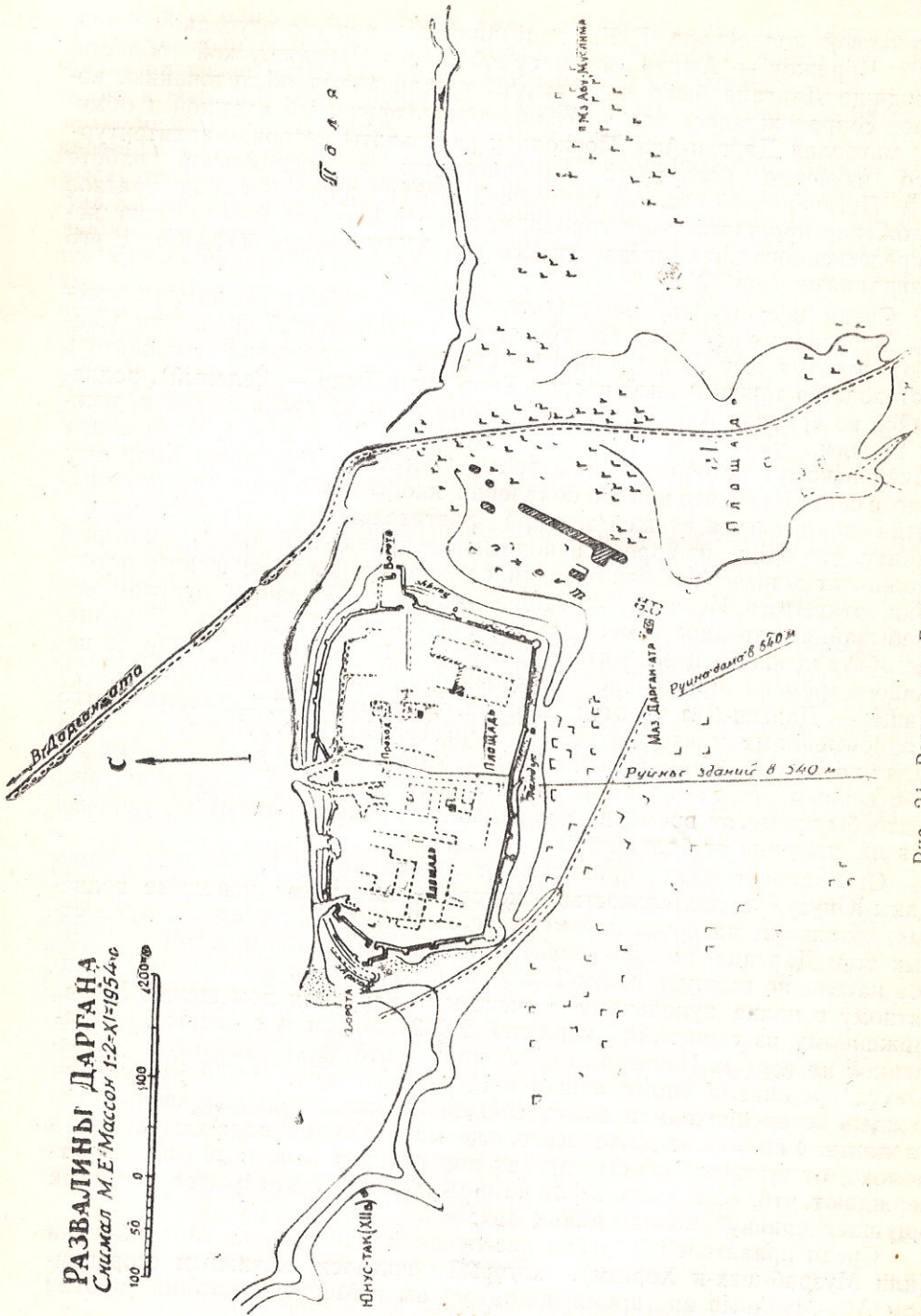
Среди местных коренных жителей давно забыта подлинная история Даргана, но при этом все убеждены в его большой древности. Считают, что тут еще до возникновения города проживал покровитель скотоводства таинственный пророк Хызр (или Хызр — Зеленый), родившийся во времена Авраама, долгое время живший среди людей и, между прочим, указавший Искандеру-Зуль-Карнайну (т. е. Александру Македонскому) источник живой воды—Оби-Хаят. Прозвище Хызр ему дано в связи с тем, что при его появлении якобы даже мертвая до того пустыня покрывается свежей зеленой растительностью. По другому варианту, это один из сорока невидимых покровителей людей, который проживает доньше, так как он напился живой воды из чудесного источника, открытого Искандером-Зуль-Карнайном. Основным пунктом его пребывания в древности местные жители считают территорию Даргана, где обитала якобы и его мать Нур-Эльты, или Нури-момо. Хызр до недавнего времени признавался покровителем Даргана, откуда его прозвище — Дарган-Ата — отец Даргана. И совершающих паломничество к одноименному мавзолею вблизи Дарган-Калы не смущает, что они видят перед собой намогильник Хызра; хотя сам этот пророк, по их же собственным представлениям, продолжает оставаться живым и даже будто бы время от времени неожиданно предстает перед верующими для их спасения от больших бед.

Основание города приписывают легендарному греческому царю Даки-Юнусу,² с деятельностью которого связывают народные волнения, возникшие на почве перемены веры. В 250 м к западу от крепостных стен Даргана, на краю поймы, имеются развалины, которые местное население именует Юнус-Так. Они принадлежат небольшому квадратному в плане купольному с ячеистыми парусами помещению XII в., сложенному из сырцовых кирпичей 24×24×4 см и с дверью, обращенной на восток. Некоторые утверждают, что здесь задолго до Даки-Юнуса проживала упоминавшаяся Нур-Эльты, куда к ней из пустыни каждый вечер приходили самки сайгаков и давали ей добровольно себя доить. Указывают даже место, где мать Хызра однажды пролила молоко, от которого якобы до сих пор исходит молочный запах. Утверждают, что, если взять в рот немножко земли с этого места, то язык ощущает привкус молока диких антилоп.

Среди правителей Даргана население помнит только Мизраб-шаха (или Музраб-шах-и Хорезм), который считался активным сторонником Абу-Муслима во время поднятого им в Мерве восстания против

¹ Г. А. Пугаченкова, Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи, Изв. АН Туркменской ССР, 1955, № 4, стр. 3 и сл.

² О Даки-Юнусе (искаженное имя Диаклеттиан) в представлении населения Средней Азии см. М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг., Изв. Средазкомстариса, в. III, Ташкент, 1923, стр. 282.

РАЗВАЛИНЫ ДАРГАНА
 Снимок М.Е. Массон 1:2-XI/1954г

Рис. 21. Развалины Даргана. План.

Омейядов и в пользу Аббасидов, что имело место в 747 г. В составленном при газневидском султানে Махмуде (998—1030) историческом романе шейха Абу-Тахира-Тартуси «Повесть об эмире Абу-Муслиме» Мизраб-шах фигурирует в роли родственника тогдашнего хорезмшаха Султан-Мухаммеда, сына Дауда (двоюродного брата по отцу или племянника хорезмшаха по сестре), и одновременно в качестве одного из четырех феодальных правителей Хорезма, зависевших от хорезмшаха. Полное имя приводится как Мизраб-шах-Джехангир Хорезми. Он возглавил отряд, отправленный из Хорезма в помощь Абу-Муслиму, а последний назначил его своим преемником и руководителем движения на случай, если бы с ним самим произошло несчастье. Мизраб-шах считается защитником мусульман, ревностным сторонником Алидов и именуется «богатырем рода Мухаммеда». Судьба его остается пока неизвестной, а могилу одни указывают в мавзолее Дарган-Ата, другие — у мазара Ахмеда Замчи близ западных ворот Султан-Калы в Старом Мерве с наружной стороны.¹

Население уверено, что на протяжении длительного времени г. Дарган достигал огромных размеров. Считают, что на месте здания дарган-атинского райисполкома в старину была его пристань, а росшее здесь еще несколько лет назад огромное дерево туранги признавалось за место причала каюков. Бурной порой внутренней междоусобной борьбы двух соперничавших правителей объясняют появление внутри Ак-Калы поперечной стены, которой они отделили свои территории. Местные жители вспоминали при нас, что, по показанию одного уже умершего старика, в Дарган-Кала люди жили последний раз будто бы 670 лет назад и что с тех пор крепость остается необитаемой и постепенно разваливается.

Таковы отрывочные, противоречивые, легендарные представления коренного населения о прошлом Даргана, иногда навеянные апокрифическими преданиями, иногда являющиеся попыткой как-то по-своему осмыслить собственные наблюдения.

Немного сведений о прошлом Даргана заключено и в письменных источниках. О том, что было на месте этого города в пору рабовладельческого общества, без стратиграфических раскопок судить трудно. На поверхности иногда встречаются глиняные, круглые и биконические, в форме лимона, снаряды для пращи, которые туркмены называют «сапан-голок». Биконическая форма их характерна для античного времени, но до получения их на месте из соответствующих археологических слоев нельзя быть уверенными, что они не занесены сюда позднее.

Можно не сомневаться, что как феодальный город Дарган (شهر درغان) иногда в искаженной транскрипции درخان, сложился в пору раннего средневековья еще до прихода в Среднюю Азию арабов. Во всяком случае, в X в. он разросся уже настолько, что сделался вторым по величине городом в Хорезме после столицы Джурджания.² С него начинается свой перечень провинциальных городов Хорезма Истахри.³ В арабских дорожниках этого времени он фигурирует как второй по порядку

¹ В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва, МАР, № 16, СПб., 1894, стр. 158—161. Если О'Донован видел в Мерве до его присоединения к России только одну могилу — Пехлевана Ахмеда, а В. А. Жуковский застал там в 1890 г. уже два гипертрофированных размеров намогильных сооружения Ахмеда Замчи и Мизраб-шаха, то ко времени работ ЮТАКЭ к первым двум с западной стороны рядом добавилось такое же третье, выдаваемое за памятник над могилой Шах-заде Сайиб-Грана (т. е. Сахиб-Кырана), якобы сратника Ахмеда Замчи (или Сапанчи).

² Макдиси, BGA, III, 289.

³ Истахри, BGA I, 299.

хорезмийский город после Тахирии (в крепости которой позднее был отстроен рабат Дая-Хатын) на дороге из Амуля в Хорезм.¹

Некоторые подробности о средневековом Даргане мы узнаем из краткого описания в сочинении Макдиси. Этот автор как особую достопримечательность отмечает «прекрасную соборную мечеть» Даргана, подобной которой, по его словам, не было «в той стороне», т. е. в тогдашнем Хорезме. В числе ее декоративной отделки упоминаются украшения из драгоценных камней и роспись золотом. В Даргане насчитывалось в X в. до 500 виноградников, которые тянулись вдоль берега Аму-Дарьи на протяжении 2 фарсахов (>12 км). Изюм служил в то время предметом вывоза из этого пункта. У Даргана была расположена одна из главных переправ через Дарью.² Расстояние от Амуля до Даргана исчислялось в шесть дневных караванных переходов.

В XI в. положение изменилось. В связи с тем, что Тахирия совершенно захирела, первым на пути из Амуля и самым южным городом Хорезма сделался отныне Дарган. Здесь зимой 1000 г. перешел через скованную льдом Аму-Дарью со своим небольшим отрядом (около 300 всадников и 400 пехотинцев) последний саманидский правитель Мунтасир. Лед был настолько непрочным, что разломался под тяжестью преследовавших его гужов и те утонули.³ В 1034 г. в районе Даргана по распоряжению хорезмийского правителя Харуна обосновались на жительство сельджуки, специально им вооруженные и снабженные лошадьми для борьбы с газневидом Масудом.⁴

В ноябре 1219 г. через Дарган на пути из Мерва в Хорезм проехал Якут, отметивший в своем труде по личным впечатлениям, что этот пограничный хорезмийский город расположен на высоком берегу, что около него начинаются пески, а между ним и Аму-Дарьей (Джейхуном) на пространстве около 2 миль находятся пашни и сады его жителей. Около Даргана начинался большой и судоходный канал Говхоре, орошавший ниже множество пашен и поместий.⁵

В дорожнике Хамдаллаха Казвини (первой половины XIV в.), название Дарган приводится, по-видимому, как наименование населенного пункта, в то время как при упоминании остановки на месте бывшей Тахирии отмечается, что это «рабат Тахири».⁶ т. е. караван-сарай XII в., который позднее стал известен под разными наименованиями: Хатын-Рабат, Дая-Хатын-Рабат, Дая-Хатын-Кала, Бай-Хатын-Рабат и Ширин-Хатын-Рабат.

Редкая канва сведений письменных источников о прошлом Даргана значительно заполняется данными археологического наблюдения. Наиболее видным и лучше всего сохранившимся памятником старины является так называемая Дарган-Кала, Ак-Кала, или просто «Куния-Кала», как местным населением, так и осматривавшими ее лицами обычно пренебрегаемая за крепость или цитадель этого города (рис. 22). Она высится на самом краю поймы, занимает вытянутую с востока на

¹ В изданном де-Гуие тексте Истахри допущена перестановка названий городов, и Джигирбенд показан севернее Даргана на один переход, что послужило основанием для В. В. Бартольда и Г. де-Стреиджа ошибочно помещать Джигирбенд между Дарганом и Тахирией. См. В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 141; Le Strange, ук. соч., карта Хорезма после стр. 446.

² Макдиси, ук. соч., 219 и 292.

³ Гардизи, 63; МИТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 229.

⁴ Бейхакки, 109 МИТ, ук. соч., стр. 306.

⁵ Якут, II, 575; IV, 22.

⁶ Хамдаллах Казвини, Nuzhat-al-Qulub, GMS, XXIII, London—Leiden, 1915, p. 180.

запад площадь около 6 га, имеет весьма неправильную конфигурацию¹ и обнесена мощными стенами с многочисленными следами разновременных переделок и ремонтов. В некоторых местах сохранившиеся части стен достигают высоты 8 м, если считать от современного уровня внутренней поверхности крепости.

Рис. 22. Крепость Даргана. Вид с юго-запада. Фото Г. А. Пугаченковой.

Первоначальные раннесредневековые стены были выведены из нескольких рядов прекрасной пахсы, без грубых примесей, с парадно заглаженными наружными поверхностями, которые разбиты прямыми вертикальными и горизонтальными швами как бы на отдельные продолговатые, вытянутые снизу вверх, блоки. Последние на внешней и внутренней поверхностях разделаны как прямоугольники. На боковых же сторонах, в проемах проходов, поскольку стены шире внизу и сужаются кверху, крайние блоки имеют по одной скошенной стороне. Размеры блоков варьируют в разных фасах по высоте от 1,20 до 1,60 м и по ширине от 0,65 до 0,80 м, а в отдельных случаях на боковых или торцовых сторонах — до 1 м. Эта первоначальная пахсовая стена достигала в средней части до 2,60 м толщины и имела полукруглые башенные выступы—бурджи. Остатки ее видны в нескольких местах, где рухнули кладки покрывавших ее снаружи и изнутри футляров более позднего времени. Будучи сделанными весьма высококачественно, пер-

¹ Искаженный схематический безмасштабный план Дарган-Калы см. С. А. Ершов, ук. соч., стр. 190, рис. 7 с неточным описанием на стр. 189—191, где неверно указана даже площадь крепости в 75 000 м².

воначальные стены крепости внешне выглядели очень живописно и, вместе с тем, внушительно (рис. 23). Позднейшие и разновременные по своему происхождению пахсы заключают в себе куски жженных кирпичей, сбиты небрежно, не несут следов парадной отделки, не разделены на блоки; чаще всего высота их составляет 85—90 см.

Рис. 23. Крепость Даргана. Восточная часть южного фаса. Фото Г. А. Пугаченковой.

Когда первичные стены начали приходить в негодность, в целях усиления профиля и поднятия на большую высоту их постепенно уширяли, одевая разного рода «футлярными» кладками с обеих сторон. Иногда промежутки забутовывались комьями — «гуваляк», кусками наносной Аму-Дарьинской глины — «тоюн», сырцовыми и даже ломаными жжеными кирпичами вперемешку с землей. Тщательнее заделывались отдельные бреши. Поздние сырцовые кладки сложены из кирпича $34 \times 34 \times 5 - 7$ см.³ После выведения «футлярных» кладок полукруглые башни оказались заделанными, а с наружной стороны вместо них появились разных размеров прямоугольные плоские выступы (от 0,75 до 1 м), сохранившиеся в той или иной мере по всем фасадам в количестве свыше двадцати. Характерно отсутствие бойниц, свидетельствующее, что защитники размещались только на гребнях стен за зубцами.

Наименее уязвимый для неприятеля северный фас крепости, тянувшийся вдоль крутого края поймы, часто оказывался в угрожаемом состоянии из-за оползня основания, особенно в середине, где теперь имеются две оврагоподобные промоины. Дважды пришлось некогда отодвигать стены внутрь, что ясно видно по следам трёх разновременных стен, из которых последняя дала значительную вогнутость по сравнению с первоначальным направлением.

В крепости видны остатки двух весьма солидных сооружений при воротах (рис. 24). Если последние разновременны, то более ранними, возможно, являются много раз ремонтировавшиеся и переделывавшиеся восточные ворота, к которым дорога вела первоначально со стороны го-

рода, причем пандус отходил от них, понижаясь в южном направлении вдоль восточного фаса. Позднее этот внешний проезд был заложен и подъем к новому наружному проему с навешенными в нем вторыми воротами совершался с восточной стороны. Постепенно сложившееся укрепление при воротах, по мощи мало чем уступавшее крепостным стенам, имело четыре выступающих и два западающих угла. Через западные ворота, расплосленные у северо-западного угла калы, можно

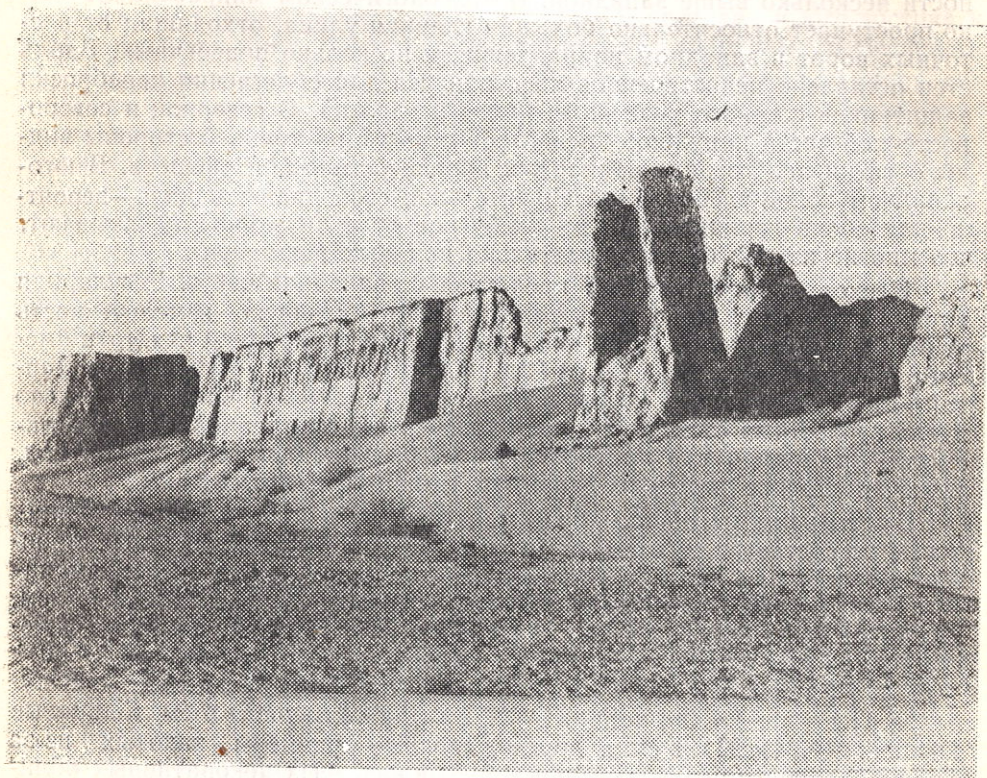

Рис. 24. Крепость Даргана. Южная часть восточного фаса. Фото Г. А. Пугаченковой.

было подняться в крепость по изогнутому петлей пандусу непосредственно из поймы, минуя территорию собственного города. Укрепление при западных воротах по размерам больше, чем при восточных, но по своему довольно неправильному плану значительно пассивнее в смысле обороны.

Более полувека назад у подножия крепости со стороны ее северного фаса обнаружился вход в подземную галерею со стрельчатым сводом, выложенным из жженого кирпича. Она не была в свое время исследована, а так как местные жители, рискуя жизнью, проникали в нее ради ломки кирпича, то во избежание несчастных случаев галерея снаружи была засыпана землей и вход в нее отмечала лишь лежавшая около него куча расколотых жженных кирпичей. Галерею считали подземным ходом, но возможно, что это был средневековый тазар для спуска в пойму из крепости нечистот, подобно тазарам, обнаруженным нами в средневековом Термезе и на гордище Новая Ниса.

Внутри Дарган-Кала разделена тянущейся с севера на юг стеной на две примерно равные части. Судя по ее остаткам в виде сильно оплывшего вала, она не была фортификационной, а скорее выполняла оградительную функцию, изолируя восточную часть от западной. В ней чувствуется один проход неподалеку от северного конца и как будто второй ближе к южному. Такого рода поперечные стены известны и по другим средневековым городищам Туркменской ССР, но время их появления пока не установлено. Восточная часть по уровню своей поверхности несколько выше западной. В археологическом микрорельефе четко проступает относительно большая главная улица, отходящая от восточных ворот в западном направлении, и несколько поперечных. Вдоль стен оставлено недостроенное пространство для облегчения переброски защитников с одного участка обороны на другой. В северной и северо-восточной части наружной крепостной стены с внутренней стороны видны остатки целого ряда подпорных арочного типа контрфорсов. В юго-западном конце расположена значительная свободная площадь—вероятно для сбора гарнизона. Размеры бугров от руин зданий показывают, что многие из них были относительно крупных размеров.

Несколько иную картину представляет западная часть. Регулярная планировка выявляет здесь значительно большую измельченность участков и меньшие размеры сооружений. В юго-западной четверти имеется своя площадь, но не такая большая, как в восточной половине Дарган-Калы. Свободное от застройки пространство имеется не только вдоль крепостных стен, но и вдоль поперечной, внутренней. Среди подъемного материала тут на поверхности больше бытового инвентаря, включая детские игрушки, например, глиняные фигурки коней.

В остальном на обеих площадях встречаются более или менее одинаковые по составу и по времени археологические находки. Жженые строительные кирпичи, давно и усиленно разбираемые с руин окрестным населением, имеют следующие размеры: $50 \times 37 \times 5$ см, $28 \times 28 \times 5$ см, $27 \times 27 \times 4,5$ см, $26 \times 26 \times 4$ см, $24 \times 24 \times 4$ см. Плоские замковые жженые кирпичные плитки клинчатой формы — со сторонами $24,5—30—29—29$ см при толщине 4,5 см. Лекальные жженые кирпичи для куполов $11,5—24—25$ (по хорде) — 22 см при толщине в 6 см. Сырцовые кирпичи — $24 \times 24 \times 4$ см и другие, полные размеры каковых из-за фрагментарности установить пока не удалось. Из декоративных облицовочных материалов попадаются изразцовые голубые плитки XII в. разной толщины, иногда с мелким рельефным орнаментом. Кое-где встречаются некрупные средневековые железные крицы, керамические шлаки, обломки медных монет X—XI—XII вв., фрагменты стеклянной посуды и каменной утвари из хорасанского стеатита, а также из породы, которая издревле разрабатывалась в прежнее время в Хорезме на склонах горы Казан-Тау. Особенно много фрагментов керамики, преимущественно без поливы, среди которых выделяются фрагменты от так называемых сосудов «симво-кузача». Значительно более редкая поливная посуда датируется IX—X, XI — первой половиной XII вв., концом XII—началом XIII вв., и самая поздняя повсеместно на территории Дарган-Калы представлена типичными образцами конца XIII—середины XIX вв., не считая одиночных фрагментов XVII—XIX вв., случайно оказавшихся среди развалин, вероятно, брошенных проходившими путниками.

Большинство людей, осматривавших развалины Даргана, сосредоточивало внимание на его величественной крепости и отчасти на находящемся неподалеку от нее мазаре Дарган-Ата. Между тем, без изуче-

ния прилежащей к кале территории нельзя правильно понять историческую топографию этого города. В полном соответствии с приведенным выше описанием Якута, отметившим, что Дарган в начале XIII в. был расположен «на высоком берегу», руины собственно средневекового города покрывают значительную часть возвышающейся над поймой Аму-Дарьи площади близ калы, по широте южнее ее северного фаса. Точно проследить былую обжитую территорию теперь очень трудно из-за заноса ее подвижным барханым песком, который кое-где продвинулся до самой крепости и даже сполз в некоторых местах в пойму, но не переклестнул через гребни стен цитадели. С востока и юго-востока к ней, отделяясь лишь сухим рвом, примыкали кварталы ремесленников-гончаров и мастеров по металлу. Их дома доходили до границ обширного старого кладбища, на котором в полукилометре от калы находится ничем не примечательная, но чтимая могила, считающаяся, по преданию, местом погребения весьма популярного в Хорезме арабского деятеля XIII в. Абу-Муслима, титулуемого сейчас «пиром». К юго-востоку от калы имеется пониженная ровная территория примерно в 4 га, на которой лишь кое-где видны остатки нескольких больших и малых построек. По-видимому, здесь была городская площадь, где размещались хлебный, скотный, лесной, дровяной и некоторые другие базары, требующие для своего устройства более или менее значительных пустырей и некоторого количества торговых помещений. В южном направлении последние видимые из-под песка руины строений находятся в 540 и 640 м от калы. С западной стороны хорошо различимы лишь упоминавшиеся выше развалины, именуемые ныне Юнус-Так, в четверти километра от западных ворот калы. Таким образом, г. Дарган до монгольского завоевания, включая цитадель и разреженную застройку своих окраин, занимал площадь не менее 50 га. Очень вероятно, что если не вся эта площадь, то хотя бы наиболее густо заселенная часть была обнесена внешней городской стеной менее сильного профиля, чем у цитадели. На поверхности следов от нее не прослеживается, может быть, из-за наступающих песков, интенсивно протекающего процесса выветривания, а по северному фаса и оплыва склонов к пойме, поскольку стена здесь могла быть выведена по самому краю.

Входившие уже в состав пригорода или округа упоминаемые Макдиси 500 виноградников в X веке размещались вдоль берега реки и тянулись на 2 фарсаха, т. е. свыше 12 км. Двести с небольшим лет спустя расстояние от города до Джейхуна определялось в 2 мили, т. е. около 4 с небольшим километров, причем это пространство было занято тогда садами и пашнями жителей Даргана. Так как в настоящее время дарган-атинский тугай, лишь частично используемый под культурные земли, тянется почти на 30 км, а ширина его в некоторых местах достигает 5—6 км, можно сделать вывод, что хотя за протекшие с тех пор столетия русло Аму-Дарьи в этом месте не претерпело значительных отклонений, но, по-видимому, по сравнению с X в. значительно увеличилась площадь тугая по длине. Документальным подтверждением показаний письменных источников, что на территории дарган-атинского тугая в средние века располагались сады, виноградники и вообще культурные земли, служат находимые здесь случайно в разных местах остатки разнообразного археологического инвентаря в виде жженных кирпичей и предметов глиняной утвари. Фрагменты последней были встречены, между прочим, в современном районном центре Дарган-Ата при рытье хауза несколько южнее здания исполкома. Неподалеку в мышиной норке детьми был найден небольшой кладок старинных тонких

медных монет, которые ими были поделены между собой, а затем утеряны.

Проведенное в 1954 г. XXIV отрядом ЮТАКЕ предварительное обследование Даргана совершенно исключает трактовку С. А. Ершовым Куня-Калы как самого средневекового города времени домонгольского завоевания, хотя и до того казалось маловероятным, чтобы второй по величине город Хорезма занимал столь незначительную площадь (около 6 га). Еще менее приемлемо предложенное им истолкование поперечной стены внутри калы как границы, отделявшей восточную половину города, где якобы «находились дома феодальной знати, их охраны и торговцев», а также «вероятно и соборная мечеть», упоминаемая Макдиси, от его западной половины, где «располагались преимущественно ремесленные мастерские, дома крестьян (!) и прочие постройки, принадлежащие бедной части населения».¹ Как явствует из изложенного выше, археологические наблюдения этого никак не подтверждают, и более обильные остатки инвентаря с западной половины нисколько не беднее находок, делаемых в восточной части калы.

Дарган, который уже в X в. был большим феодальным городом, заметно разросся в XI — первой половине XII вв., отчасти, возможно, в связи с захирением лежавшей в 42 км южнее Тахирии, после чего он стал первым и самым близким к границе городом Хорезма на торговых путях из собственно Хорасана, Мерва, Амуля и Мавераннахра. Сложение крупной державы хорезмшахов Ануштегинидов не могло не сказаться благоприятно на развитии Даргана, так же как не могли не отразиться на нем пагубно последствия первых лет монгольского завоевания, на котором обрываются, по существу, известия об этом городе в письменных источниках. Археологическое же обследование 1954 г. впервые показало, что верхний культурный слой Дарган-Калы и ближайших примыкающих к ней с востока, юго-востока и юга участков содержит материальные остатки конца XIII — середины XIV вв., на какой-то отрезок и приходится последний этап жизни этого пункта как поселения городского типа. Дарган не достиг уже прежних размеров, но, тем не менее, он, как и Куня-Ургенч, возродившись на старом месте еще во время вхождения в состав Золотой Орды, заметно оправился в пору сложения самостоятельного Хорезмского владения, сумевшего освободиться от монгольского ига незадолго до появления на исторической арене государства Тимура. Пришедшие в упадок старые фортификационные сооружения были подновлены. Подправлены оплывшие к тому времени гребни городских стен, причем особенно бросается в глаза небрежная накладка верхних частей прямоугольных выступов, которые в ремонтной части выведены со скошенными боками. Приняты были меры к усилению фланкирования при обороне. С этой целью значительно расширены ставшие уродливо-громоздкими угловые башни южного фаса. Северо-восточная была оформлена с лятью наружными гранями, а значительно большая по размерам юго-западная получила восемь наружных граней. Тогда же, отступя несколько менее 3 м от крепостной стены, соорудили вынесенные наружу четыре отдельно стоящие башни: две вдоль южного фаса и по одной в середине восточного и западного фаса (рис. 25). Прямоугольные с тыльной стороны (шириной несколько менее 5 м на высоте человеческого роста) и закругленные по фронту (длина около 5 м), башни эти, сплошные в основании, в верхней части заключали помещения для защитников и соеди-

¹ С. А. Ершов, ук. соч., стр. 191.

нялись перекидными мостиками с прямоугольными выступами стен. Старые восточные и западные ворота как будто не функционировали и были капитально заложены. Вместо них в разрушенной средней части стены южного фаса, при возобновлении получившей выгнутость внутрь, были устроены новые ворота. К ним поднимались по вытянутому с востока на запад пандусу и далее через них попадали в западную часть калы, где в эту пору могла проживать часть жителей тогдашнего не слишком заселенного Даргана. Не исключена возможность, что некоторые из изложенных мероприятий в той или иной мере получили осуществление еще незадолго до вторжения монголов в Хорезм.

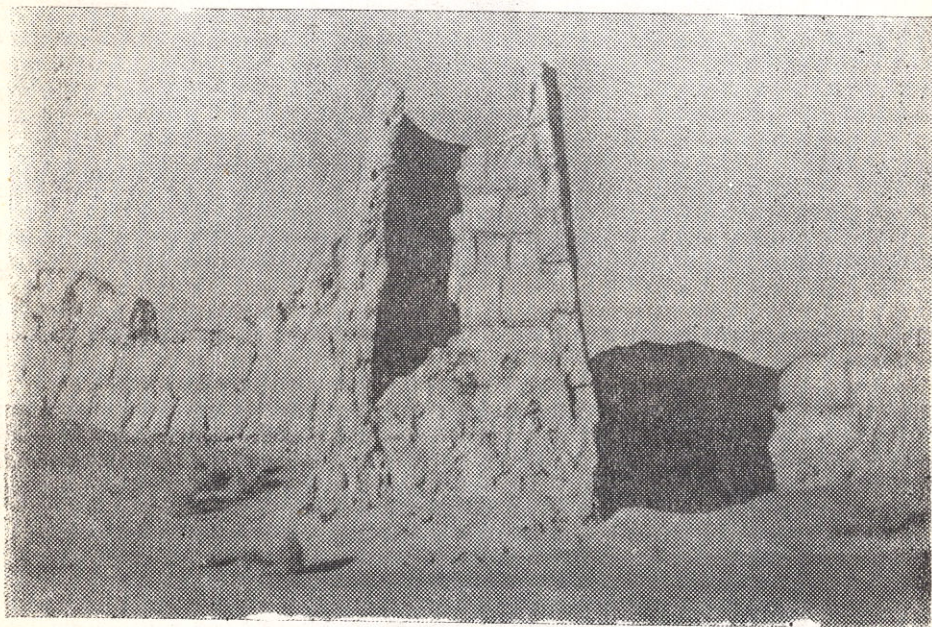

Рис. 25. Крепость Даргана. Отдельно стоящая башня восточного фаса.
Фото Г. А. Пугаченковой.

Кроме характерной керамики конца XIII—XIV вв., на территории Даргана этой эпохи известны и другие хорошо датированные объекты. В их числе — монеты джучидского чекана, из которых одна хорошей сохранности 740/1342—1343 г. имела еще у упоминавшегося выше Лукьянова. Наиболее же интересным памятником, на который до сих пор никто не обратил должного внимания, является двухстворчатая карагачевая дверь так называемого мазара Дарган-Ата (рис. 26 и 27).

Расположенное в 120 м от юго-восточной угловой башни калы это неоднократно перестраивавшееся порталное двухкупольное здание из двух смежных помещений в основе своей, как показало исследование Г. А. Пугаченковой, восходит, возможно, к позднему средневековью. От него, во всяком случае, сохранилась указанная дверь с окладкой, имеющей резную базу и капитель в виде тяжелого прямоугольного раструба. Полотнища покрыты резьбой не сплошь, как это типично для среднеазиатских дверей конца XIV—XV вв., а частично. Бордюр с листовым орнаментом «ислими» разбивает каждую створку на три

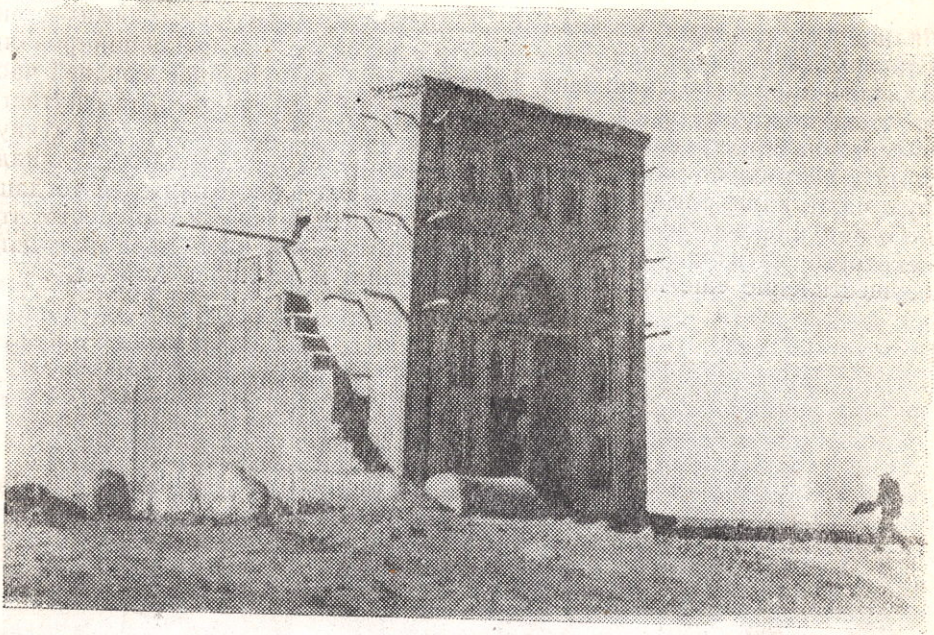

Рис. 26. Мавзолей Дарган-Ата. Вид с юго-востока. Фото Г. А. Пугаченковой.

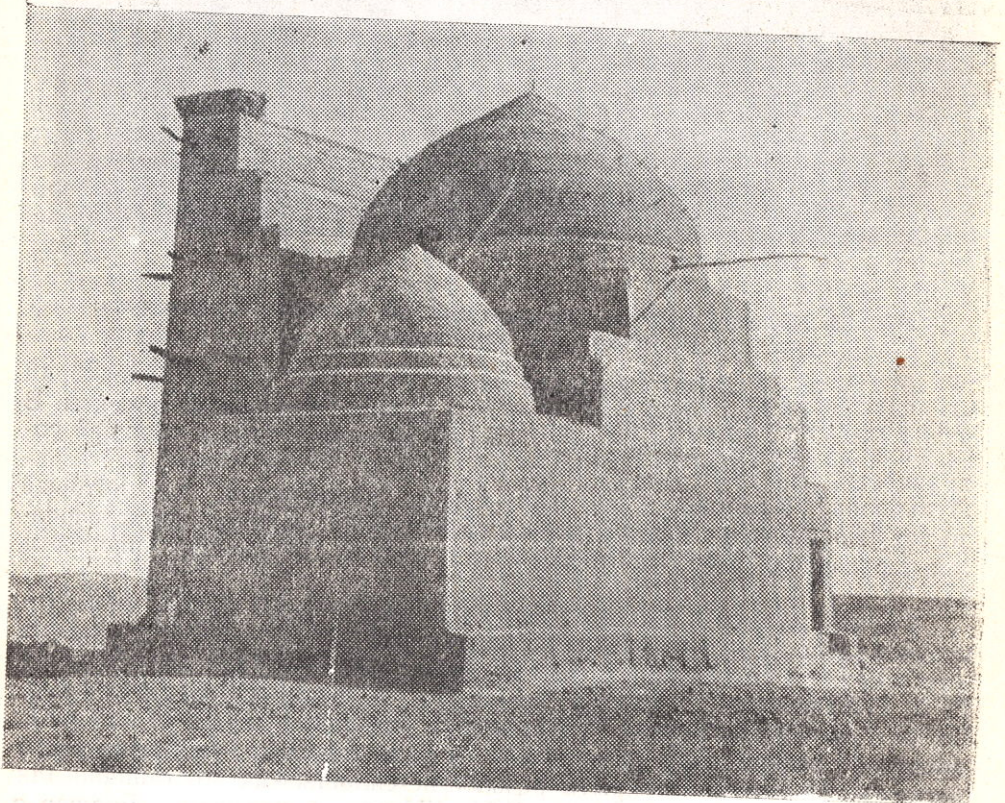

Рис. 27. Мавзолей Дарган-Ата. Вид с северо-запада. Фото Г. А. Пугаченковой.

части. На гладком в основном фоне средней из них резьбой слегка заполнены углы, а середина занята лишь одним вычурным «бадамча» с фигурным завершением, в которое вплетен орнамент, именуемый «узлом счастья». Нижние, ложные филенки покрыты геометрическим орнаментом «гирих»; верхние заключают короткие таджикские фразы, выполненные двухпланной резьбой на фоне растительных спиралей почерком «несхи» в характерной манере XIV в. По эпиграфическим и стилистическим данным, дверь могла быть изготовлена или в середине указанного столетия (поскольку в первой трети был больше распространен почерк «дивани») или в третьей четверти, после чего входят в обиход совершенно иные двери, прекрасными образцами которых могут служить полотнища главного входа в здание усыпальницы Ходжа-Ахмеда-Ясеви в Туркестане, изготовленные в 1398 г., и двери при мазаре Шах-и-Зинда в Самарканде, несущие на себе дату изготовления 807/1404—1405 г. и вошедшие в литературу с неверной датировкой 1398 или 1400 гг.

На западной створке двери мазара Дарган-Ата вырезано приличествующее мавзолею восклицание: *ان جهان فرنا جهان افرید ن* «Тот мир подобен миру сотворенному». На восточной помещены слова: *سوارى حق مضراب نا مد پدید* (рис. 28), которые, как мне казалось, нужно понимать в том смысле, что судьба лежащего в мавзолее чтимого лица по имени или по прозвищу Мизраб к моменту изготовления двери оказалась полузабытой. Старший преподаватель персидского языка в САГУ Н. Ф. Ливицкий счел возможным перевести эту фразу как «Всадник ради Мизраба не появился». Научные сотрудники Восточного института Академии наук УзССР А. Джуванмардиев и Я. Сатиболдыев предложили транскрибировать два последние слова как *يابد مدید*, причем смысл фразы первый из них видел в

Рис. 28. Надпись на левой створке двери XIV в. мавзолея Дарган-ата.

том, что имя оседлавшего истину Мизраба пусть уходит в века, а второй— что, увидя самый мавзолей, проезжий всадник в нем найдет увековеченной долю Мизраба. Усматривая в структуре фразы как бы несколько тяжелое нагромождение слов, Н. Ф. Ливицкий и А. Джуванмардиев высказали предположение, что она составлена с целью скрыть в ней тарих. Однако сумма цифровых значений всех букв по абjadу дает явно невероятный 1543 г. х., причем одно расположенное в середине слово «Мизраб» соответствует цифре 1043. Только при несколько произвольном вычитании из суммы значений трех последних слов суммы двух первых можно получить сколько-нибудь приемлемую дату: при транскрипции сотрудников Института востоковедения—733/1332—1333 г.,

а при моем чтении—773/1371—1372 г., когда обе даты приходятся на XIV столетие.

Как бы то ни было, дарган-атинская дверь является не только уникальным, но и самым старым памятником художественной резьбы на дверях во всей Средней Азии. Благодаря ей явствует, что в средневековом Даргане на протяжении веков сложился культ чтимой могилы тамошнего светского правителя Мизраба, или Мизраб-шаха, что уже к XIV в. утратилось ясное представление об его политической роли, которую в глазах правоверных мусульман затмили заслуги перед исламом, и что на месте его погребения, вероятно при хорезмийской династии Суфи, может быть взамен старого разрушившегося от времени намогильного сооружения, был заново отстроен мавзолеем, для которого и изготовили сохранившуюся до наших дней дверь.

Вскоре после того Дарган пришел в упадок. Вероятно, это явилось одним из последствий той политики, которую в отношении Хорезма проводил Тимур, совершивший на эту страну за короткий срок в конце XIV столетия, начиная с весны 1372 г., пять военных походов и уничтоживший столичный Ургенч. Возможно, что последовавшее запустение Даргана в какой-то мере связано еще и с капризным режимом Аму-Дарьи. Поселение оказалось заброшенным. Функционировал лишь поддерживаемый духовенством почитаемый мазар. Мавзолеем канонизированного Мизраб-шаха стал чаще фигурировать под именем «мазара Дарган-Ата». В форме «Даруган-Ата» он упоминается в XVII в. у Абу-л-Гази. Так как г. Дарган перестал существовать, это не могло не сказаться на репутации его бывшего правителя и патрона Мизраб-шаха. Поскольку же окрестное население стало в большей степени скотоводческим, чем земледельческим, духовенству было выгодно перенести укоренившееся у людей прозвище «Дарган-Ата» на легендарного покровителя скотоводов Хазрета Хызра, культ которого с течением времени почти полностью вытеснил здесь культ своего предшественника.

Вместе со всем Хорезмом Дарган-Атинский район тяжело перенес политический и экономический упадок XVIII в. В первой половине XIX столетия единственными оседлыми обитателями здесь были обслуживавшие мазар Дарган-Ата шейхи, считавшиеся последователями мистика XII в. Ходжа-Ахмеда-Ясеви. Учитывая популярность легендарного мазара, их старались привлекать на свою сторону хивинские ханы. В 1826 г. Алла-Кули-хан при походе на Иран совершил зиарат мавзолеем и одарил его прищ. В середине XIX в. по распоряжению Мухаммед-Эмин-хана (1845—1855) было реставрировано старыми кирпичами, а вернее, почти заново отстроено самое здание мазара Дарган-Ата. Полвека назад внутри будто бы имелась вырезанная на доске «персидская надпись», в которой говорилось о восстановительных работах Мухаммед-Эмин-хана. Если таковая действительно была, то XXIV отряд ЮТАКЭ ее уже не застал. Несомненно, тогда же на полу выложили из кирпича пять плоских намогильных плит, связав их с теми или иными легендарными лицами. Кто именно считается погребенным под каждым из пяти намогильников, в преданиях давно уже нет единства. Наиболее распространенным вариантом был следующий перечень из четырех персон: Дарган-Ата, т. е. Хызр, его мать Нур-Эльты, Мизраб-шах и Уста Хурдек — мастер, якобы изготовлявший боевые топоры для сторонников Абу-Муслима. Захороненными под пятым намогильником называли разных лиц: арабских полководцев Кутейбу или Абу-Муслима, неких богатырей Мамед-шаха или Махмуд-шаха; последние выдавались или за сына Абу-Муслима или за внука Мизраб-шаха. Один теки-

нец уверял нас, что под двумя плитами находятся два сына Али—Хасан и Хусейн.

Сильно обезлюдившее левобережье среднего течения Аму-Дарьи с середины XIX в. начало обживаться в первую очередь со стороны Бухарского ханства. При этом даже важный пограничный пункт Кабаклы, служивший резиденцией бека, пришлось заселять вначале за счет административно ссыльных лиц, преимущественно из узбеков и отчасти из арабов. Переселенцы не имели права переходить на жительство в другие места и даже отправляться на летнее время к Кош-Кале (в 8 км к северо-западу от Кабаклы), где имелись земли для земледелия.¹ Но еще и в 1882 г. берег не был постоянно заселен от Кабаклы почти до самого Хазраспа, вблизи которого кочевали туркмены ата. Хивинские оседлые поселения начинались лишь в 10 км, не доезжая до этого городка, а все промежуточные тугаи изобиловали тиграми.² Район заметно начал оживать только после присоединения Мервского оазиса к России.³ В Дарган-Ата был учрежден Хивинским ханством пикет в 40 человек, высылавшихся для несения сторожевой службы. На территории дарган-атинского тугая в летнее время стали появляться сотни пришлых бухарцев, которые занимались хлебопашеством, отдавая седьмую часть урожая хивинскому хану. Позднее часть их обосновалась тут на постоянное жительство.⁴ Так в конце XIX в. в пойме создано новое оседлое поселение, на которое распространили старое наименование Дарган-Ата и которое до самой революции оставалось небольшим хивинским поселком, где, между прочим, заготавливали саксаул и уголь для ханских дворцов. Ремонт мазара Дарган-Ата, произведенный при Мухаммед-Эмин-хане, был выполнен плохо, и в конце XIX столетия здание снова находилось в полуразрушенном состоянии, а чудесная многовековая резная дверь, снятая с места, стояла под куполом прислоненной к стене. У обслуживавших мазар шейхов не имелось никаких исторических документов о памятнике, даже своей собственной писаной родословной — «шаджара», а сами они были полуневежественными людьми.

Таково в самых общих чертах прошлое Даргана, как оно вырисовывается в свете последних историко-археологических исследований. Кроме установленных периодов подъема и упадка городской жизни, обусловленных теми или другими историческими событиями, Дарган-Атинский район часто испытывал бедствия, связанные с разрушительной деятельностью Аму-Дарьи. Погребенные под наносами реки культурные слои в пойме со средневековым археологическим материалом — наглядный показатель, что здесь не раз бывали катастрофические разливы, порой вызывавшиеся заторами льда в узком проходе Дахан-Шир (т. е. Львиная пасть, ныне Дуль-Дуль-атлаган),⁵ находящемся

¹ Отчет чиновника особых поручений Туркестанского окружного интендантства коллежского советника Андреева, сопровождавшего в 1884 г. 17-й Туркестанский линейный батальон из Петро-Александровска в Мерв, Сб. геогр., топогр. и стат. материалов по Азии, в. XV, СПб., 1885, стр. 171.

² П. М. Лессар, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах, СПб., 1884, стр. 86—87.

³ Исследования пути от Залива Цесаревича через Уст-юрт до Кунграда, произведенные в 1884 г. ген. штаба подполковником Белявским, Сб. геогр., топогр. и стат. материалов по Азии, в. XV, СПб., 1885, стр. 32.

⁴ Андреев, ук. соч., стр. 169.

⁵ Старинное местное название сохранилось в искаженном наименовании близлежащих развалин средневекового рабата — Данишер-Кала. У арабских географов X в. этот проход упоминается просто как «узкое место реки» (مضييق النهر).

примерно в 80 км от Даргана ниже по течению реки. Последствиями бывали засоление почвы, гибель виноградников и древесных насаждений. За короткий промежуток времени пропал многолетний труд иногда нескольких поколений земледельцев по превращению тугая в культурные земли, и людям заново приходилось начинать борьбу с бурно разраставшимся «буяном» (солодковым корнем), который глушил все сельскохозяйственные культуры, кроме риса.

В заключение уместно отметить, что по общему облику всего комплекса археологического инвентаря (несколько более грубого и бедного по сравнению с мавераннахрским или маргианским), Дарган является целиком хорезмским городом, резко отличным в этом отношении от всех археологических пунктов кабаклинского тугая и южнее расположенных. Южным рубежом собственно Хорезма как в XIX в., так и в феодальный период и даже в пору рабовладельческого общества служила полоса между кабаклинским и дарган-атинским тугаями. Показательно, что расположенная в 8 км к северо-западу от Кабаклы (которые сами возникли на месте средневекового сел. Сайфина) южная античная крепость в группе развалин Кош-Кала обращена своим наиболее сильным фасом на север против Хорезма.